

ЧТЕНИЯ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ¹

УЧЕНИЕ О ЛИЦЕ

Дюверну Н. Л.

Точкой отправления для цивилистических построений должно служить понятие о лице. Понятию лица (*persona singularis*), в анализе юридических явлений, противополагается объект права, часто вещь. Это понятие лица, как образующее, входит в состав юридических отношений, какого бы они ни были содержания. Для юридических отношений гражданского права оно существенно в особенности.

Понятие личности в гражданском праве может быть отождествлено с понятием конкретной цивильной правоспособности.

В условиях исторически-данного юридического быта возможна полнота правоспособности присваемая отдельному человеку, субъекту правоспособности.

Чтобы определить весь объем правоспособности отдельного человека, надлежит представить себе сумму отдельных юридических отношений, в коих действительно находится, или способно находиться, в условиях данного быта, отдельно взятое лицо. Полнота правоспособности не будет, по содержанию своему, одинаковой в равных исторических условиях. Есть условия, где полнота правоспособности отдельного субъекта, по содержанию ее, определяется целым рядом институтов цивильной системы, институтами права семейного, институтами прав вещных, собственности, прав на чужую вещь, прав договорных, завещательных и прочее.

В этом развитом виде понятие правоспособности полной, принадлежащей отдельному человеку, мы находим в римской цивильной системе. Как собирающего, сосредоточивающего в себе оригинальным образом (первообразно и самолично) и осуществляющего всю эту сумму правоспособности, мы можем представить себе только вполне волеспособного, зрелого, бдительного, человека.

Но не одним этим случайным явлением личной энергии в цивильной сфере определяется специфический, в личном смысле, характер юридического быта римского народа. Если бы право-способность цивильная условливалась каждый раз фактической наличностью сильных характеров, то в юридическом быту римского общества не доставало бы свойств постоянства, известности и непрерывности юридических отношений, которые мы находим в действительности. Когда уходит со сцены предположенный нами деятельный субъект цивильной правоспособности, то, с этим вместе, цельная в его лице сфера его цивильных отношений не исчезает тотчас, вместе с ним. Свойство этих отношений личное, сосредоточенное, удерживается, временно, в известной степени неподвижности, в «лежачем наследстве» (*hereditas jacens*). Можно ли назвать это сосредоточенное состояние имущества безличным, хотя временно нет известного человека, определенного индивидуума, который давал бы активный характер этой сосредоточенной цивильной силе? Отнюдь нет, ибо для наличности цивильной правоспособности нет нужды (и не в одном этом случае) в непрестанно деятельном состоянии правоспособного субъекта.

Правоспособность и чисто личный характер юридических отношений, сосредоточенный и объективно известный, продолжает существовать, несмотря на отсутствие активного органа ее осуществления, несмотря на парализованное его состояние, ибо он необходим, как постулат всего социально-юридического строя в данных бытовых условиях, а не какого-то отдельного человека только. Без этого, длящегося в личном смысле состояния юридических отношений умершего, немыслимо было бы постоянство и преемственность их, точно так, как оно было бы немыслимо при условии произвольного появления новых и бесследного исчезнования прежних правоспособных субъектов.

¹ У даному випуску наводиться фрагмент з твору М.Л. Дюверну «Чтения по гражданскому праву».

В избранном нами примере, несмотря на последовавшую смерть человека, нам хорошо остается известным преемственный переход силы, которую представлял собою умерший в юридическом обмене, и мы можем вполне определить весь ее юридический и экономический состав. *Hereditas jacens* заключает в себе требования и обязательства, иски вещные и личные, способность умаления, возрастания, экономической состоятельности и банкротства, ровно так, как и живой представитель личного характера юридических отношений.

Точно такой же личный характер, эта, раз осуществленная, правоспособность удерживает и приобретает, когда средоточием ее становится не самосознающий и не дееспособный субъект, дитя, умалишенный. Недостаток деятельного фактора осуществления правоспособности не уничтожает ее в основе; она поддерживается искусственно деятельностью других людей, и не только ради особы дитята, идиота, а в целях дальнейшей известности, дальнего преемства этой, раз определившейся как единой и личной, сферы цивильных отношений. У самого субъекта правоотношений может не быть ни личного интереса, ни личного призыва пребывать в средоточии этого ожившего обмена, и, однако, он продолжает им служить, ибо цивильное и личное свойство отношения юридического в развитом римском юридическом быте не определяется исключительно ни мерой индивидуальных потребностей, ни мерой индивидуальных способностей его субъекта.

Если бы один интерес наличных живых особей и отдельно взятая воля каждого определяли собою все содержание гражданского права, то система его институтов была бы несравненно уже той, какую мы наблюдаем в действительности. Возьмем для примера систему вещных прав в Риме. На что, при этих критериях, были бы нужны реальные сервитуты в этой системе? Для *utilitas singulorum*, взятой в точном смысле потребностей данного человека, а не цивильной личности, был бы достаточен *ususfructus* и *usus*. Чего же ради нужно не только с определенным индивидуально лицом, а с качествами лица как землевладельца, как домовладельца, соединять известное притязание опять не к соседу такому-то, а к соседнему землевладению, кто бы ни был сосед-землевладелец? Фактические и случайные свойства надобности, ненадобности данного притязания для известного лица в этой конструкции слаживаются, способность или неспособность им пользоваться тоже стирается и уступает место соображениям особого рода, так сказать абстрактным, отрешенным, независимым от индивидуальных свойств того или другого хозяина данного имения.

Мы имеем таким образом ряд явлений, в коих свойство личности или гражданской правоспособности субъекта юридических отношений не зависит от продолжающегося существования человека (*hereditas jacens*), от его способности воли или разумения интересов (дитя, идиот), и где образование юридических отношений, тоже типически цивильных, не ограничено интересом отдельного человека (предиальные сервитуты).

Из этих явлений ясно, что институты цивильные, по самому строению их, не составляют области чистого индивидуализма, а отвечают одновременно целям отдельного человека и общества.

С понятием личности мы не соединяем необходимости непрестанного воздействия воли и ежеминутно-наличного интереса отдельного человека. Мы даем этому понятию более общие и независимые от индивидуальных свойств и потребностей отдельных людей признаки. Понятие личности в гражданском праве, цивильной правоспособности, правоспособного лица (в конкретном смысле) мы имеем там, где раз определившаяся сфера конкретных юридических отношений удерживает свойство обособленности, принадлежности их к этой именно сфере, с характером постоянным и объективно распознаваемым.

Человек может не знать, что он состоит в известном юридическом отношении, и тем не менее, он будет его субъектом, может не иметь способности хотеть или познавать, не иметь интереса к тому или другому обладанию, и тем не менее сфера определившихся, так или иначе обособленных его отношений будет в обороте гражданском, в смене его явлений играть определяющую роль гражданско-правовой личности этого человека, теперь живого и деятельного, завтра, быть может, недееспособного, затем – умершего.

Такое свойство личности в римской системе не составляло необходимой принадлежности всякого человека, ибо римский мир знает людей безличных, неправоспособных, людей – товар. Созданное исторической жизнью культурного народа и разработанное юриспруденцией, это понятие личности составляло центральную исходную точку для всех цивилистических построений. Весь мир юридических отношений гражданского права в Риме был миром отношений личных в этом смысле. Одна из существеннейших проблем римской практической юриспруденции заключалась в том, чтобы найти определенные и точные признаки, коими фиксируются постоянным и известным образом отдельные, обособленные, в этом смысле личные сферы обладания граждан.

Внутри каждой из этих личных сфер происходит несомненно постоянный и живой обмен; они

изменяются и в смысле их полноты, и в смысле состава заключенных в них отношений разного содержания. Но свойство юридической известности и постоянства их обособления удерживаются, несмотря на эти внутренние изменения, в интересах всего юридического цивильного быта и совершенно независимо от воли или потребностей отдельного правообладателя.

В римском мире это свойство личности, цивильной правоспособности, сочеталось количественно совершенно преобладающим образом с отдельным живым деятелем правоспособности. Оттуда этот поразительный по энергии характер римского цивильного обмена.

Но, однако, необходим ли именно такой деятель, чтобы существовала цивильная личность? Мы видели, что определенная сфера юридических отношений может иметь своим средоточием ребенка, идиота. В этих случаях невозможна деятельность этих правообладателей, но возможно для них пользование плодами этого правообладания через посредство деятельности других лиц, опекунов, попечителей. Мы видели далее, что характер личности не утрачивается и там, где сейчас нет ни деятеля, ни пользователя, стало быть, ни воли, ни интереса. Таков случай с *hereditas jacens*. *Hereditas* функционирует лично в целях объективной известности, постоянства, преемства правоотношений. И так, функция личности нужна здесь и существует независимо от вопроса воли или интереса отдельного известного человека. Это положение вещей как единой, цельной имущественной массы, в коей нет имущего, хозяина, в смысле интересо- и волеспособного органа, есть временное.

Попытаемся сделать шаг далее. Мыслимо ли такое обособление определенной сферы юридических отношений там, где состав этих отношений есть известный и постоянный, каку живого субъекта права, но где нет вовсе живой личной воли и интереса отдельного правообладателя, а есть только интерес пользования этим имуществом у более или менее неопределенного и неизвестного в данную минуту круга людей и где эта сфера прав, эта личность существует не для переходящих целей, как в *hereditas jacens*, а для целей постоянных, как в предиальном сервитуте.

Римская жизнь и римская юриспруденция хорошо знакомы с этим явлением цивильного быта. В случаях такого рода юристы видят то же самое явление обособленной правоспособности, личности, как и там, где правоспособность присвоена отдельному человеку. Таков случай, когда это качество обособленной личности присваивается имуществу и правоотношениям коллективной единицы, государства, города, коллегии, установления.

Не являются ли это имущество и эти правоотношения принадлежащими отдельным гражданам, отдельным членам коллегии? Несомненно нет! Это имущество есть обособленное и вообще и в особенности от имущества отдельных членов коллегии. Так как город сам не есть орган личной воли, то отсутствие личной воли восполняется, как в имуществе малолетнего, особой организацией городского управления.

Но, тогда, зачем же мы даем свойство личности, обособленной правоспособности подобным формам обладания? Цель, с которой так конструирует римская юриспруденция, совершенно понятна. Личность была в глазах классиков обособлена сферой юридических отношений, которая необходима для их определенности, распознаваемости и постоянства.

Называют ли классики эту правоспособность коллективных единиц и имущественных масс именно личностью? Да. Мы встречаем в пандектах очень различные обороты речи, коими определяется именно личный характер обладания коллективных единиц. Главнейшие из них суть такие: *hereditas*, *universitas*, *collegium personae vice fungitur*. У Фронтина есть прямое выражение «*persona coloniae ipsius*». Но нужны ли нам отдельные свидетельства тех или других писателей, чтобы удостовериться в совершенно личном характере цивильных правоотношений коллективных единиц в Риме? Если имущество могло принадлежать коллегии, установлению, то была ли бы возможна какая-либо оборотоспособность этого имущества без свойства личного обладания им? Чтобы коротко ответить на этот вопрос, достаточно вспомнить строение римских обязательств, всегда строго личное, требующее непременной известности лица для своего состава. Отвергнуть личный характер обладания названных коллективных единиц – значит сделать их неспособными к цивильно – обязательственным отношениям, тогда как мы видим на деле постоянно в составе их имущества долги и требования совершенно так, как в составе имущества отдельных правоспособных людей.

Весьма важно отметить здесь, что римские систематики не разделяют цивильно-правоспособных субъектов, лиц, на две категории, лиц физических и нефизических, юридических, фиктивных, только мыслимых. Это характеризует, во-первых, свойство их гражданского оборота, где далеко преобладающая роль принадлежала отдельным правоспособным людям, а не этим формам коллективного обладания. Во-вторых, их понятие личности в достаточной степени представлялось им обособленным от непременной связи его с отдельным человеком, так как они знали

волеспособных, но неправоспособных людей, рабов и не останавливались в особенности на явлении обособленной отдельного человека гражданской правоспособности в других случаях, как на экстра – ординарном, для юридической конструкции которого нужно создавать совсем особую категорию лиц только мыслящих. Явление имущества, принадлежащих городу, коллегии, их долгов, требований, исков, было налицо. Измышлять их правоспособность было нечего, и эти лица, в обособленной сфере цивильных правоотношений, функционировали так же, как отдельные люди. Для практических целей обмена конструкция эта была вполне удовлетворительна. Эти римские понятия и противоположения лиц и вещей, не всегда правильно понятые и истолкованные, вместе с рецепцией римского права, стали достоянием новой юриспруденции. Применение их к условиям быта новых народов, во многом очень отличного от римского, породило массу трудностей и недоразумений, которых вовсе не знали классики и которые служат до сих пор обильным источником контролеров в этом основном учении и открывают простор многочисленным, особенно у немцев, попыткам найти надежные исходные точки для построения понятия субъективного права, правоспособного лица, существующего в действительности, или лица только мыслимого, и указать пределы действию фикций и вымыслов в практической области гражданского права.

В чем же заключаются особенности нашего юридического быта, отличающие его от римского и служащие источником трудности применения римских понятий к явлениям нашего быта?

Если весь строй римского цивильного быта существеннейшим образом определяется началом личности и вместе с этим особности правоотношений каждого гражданина, то картины средневекового быта дают нам совершенно противоположные черты. Совсем не отдельно взятый человек является здесь правоспособным в сфере общих для всех институтов гражданского права, а прямо наоборот... Отдельно взятому человеку, как субъекту правоспособности, не принадлежит, в этих условиях, в праве ровно никакой роли. Определяющая характер этого быта роль принадлежит союзу, а не отдельному человеку, а если, в ограниченном смысле, человеку, то только как члену того или другого союза, а вовсе не самобытно. Личность отдельного человека есть или вовсе еще не выделившаяся (как *pars viscerum* союзного организма), с своей особой правоспособностью, или очень еще слабо выделившаяся как *persona*

singularis в праве. Таких союзных форм, определяющих все политическое и социальное положение человека, крайне много. Каждая из этих союзных форм имеет свою сферу прав, с немногими, для определенных их групп, типическими, и с очень многими исключительными чертами. Притом, правоспособность этих союзных форм никогда не есть чисто гражданская, а обыкновенно смешанная из элементов права частного и права публичного, далеко еще не сосредоточенного в лице государства.

Новая юриспруденция, в этих условиях, сама никоим образом не могла прийти к понятию личности, правоспособности отдельных людей в сфере институтов гражданских, к коему так рано пришла римская юриспруденция. Господствующий тип союзного обладания устранил всякую надобность даже в самых институтах отдельной приватной собственности, отдельных вещных прав, обильных типических форм римского договорного права для общего применения. Входя в состав союза, отдельный человек знал права этого союза, как высшие, от коих производил свои, низшие, зависимые, которые приводили его, однако, прямо к пользованию объектом прав, землею господина, домом, построенным на этой чужой земле. Точно так же постоянные отношения к союзу заменили обеим неравным сторонам необходимость отдельных, свободных договорных форм.

Задачи юриспруденции и законодательства заключаются в эту пору в том, чтобы определить скорее права союзов и отношение к ним прав отдельных, входящих в них лиц, чем права отдельных лиц, как самостоятельных единиц в общежитии.

Весь этот быт можно охарактеризовать чертою противоположной римскому, чертой безличности, где известный и постоянный характер правоотношений определяется принадлежностью человека к союзу, преемственному из поколения в поколение, и формами обладания, этому союзу свойственными.

С другой стороны, если нужна была известность юридических отношений отдельных людей, то в массе случаев она достаточно определялась отношением людей к имуществам, особенно к недвижимостям. Так что определяющей была земля для человека, а не человек для земли. Сидящий на земле верховного собственника известный срок человек становился несвободным, полусвободным. Правоспособность определялась по вещам, и известность свойств вещи, натурально, в смысле свойств обладателя вещи (церковная, рыцарская, городская) заменяла собою, для населения ее, всякие личные определения правоспособности. Весь

мир этих правоотношений вращается, очевидно, около иных осей, чем римский цивильный быт.

По мере того, как эти старые союзные формы теряют прежний характер определяющих положение людей линий, уступая государству одну за другой лежавшие на них функции (власть суда и разные отрасли управления), вместе с этим приватизируется обладание недвижимостями, и быт цивильный становится более подвижным, старые способы ориентироваться в этом обмене посредством определения союза, к коему человек принадлежит, или земли, на которой он сидит, становятся ненадежными и недостаточными. Общность обладания уступает место раздельности, и обязательные для целых поколений союзные начала общежития заменяются свободными договорными формами. Если в этих условиях нужна распознаваемость, известность и постоянство юридических отношений отдельных субъектов, то достигнуть этого возможно только тем же методом, каким этого достигали классики. Задачи новой юриспруденции существенно сближаются с задачами юриспруденции римской.

Но, однако, условия, в которые поставлена мысль современного юриста, в особенности в учении о лице, далеко не те же, в каких работала римская мысль. Понятие личности совпадало там с представлением конкретно известной сферы правоотношений. *Quum omne jus, говорит Гермогениан, hominum causa constitutum sit, primo de personarum statu... dicemus, L. 2 D. 1. 5.* И так, хотя Гермогениан указывает нам последнюю цель всякого права в человеке, однако, исходной точкой для своих построений он ставит именно личность.

Мысль современной юриспруденции этим не удовлетворена. Мы принимаем за исходную точку наших построений не эту идею личности, особности, а ищем чего-то другого, хотим идти глубже... Современное правосознание не ставит понятия личности так обособлено от человека, как это было у римлян. Мы не отвергаем правоспособности ни у единого человеческого существа. Основу для этого всеобщего признания личных прав, как прирожденных человеку (*Urrechte*), новая философия раскрывает нам в его природных свойствах, в его разумности и волеспособности. Таким образом, понятие личности гораздо теснее сочетается с этими непременными свойствами всякого человека.

Сколько бы ни было проблематического, с научной точки зрения, в существовании таких прирожденных прав [1], современная практическая юриспруденция действует в условиях этого сознания правоспособности всякого человека, как человека. С этим вместе возникают новые задачи

для жизни современных обществ, далеко не всегда разрешимые путем юридическим, и трудности для современной цивилистики, незнакомые античной мысли.

Если римская мысль представляла себе ясно возможность сочетания личности, конкретной правоспособности, с человеком, то она так же легко и разрывала эту связь, низводя человека в категорию вещей, или давая личный характер обладанию там, где отдельного человека, как обладателя, назвать нельзя. Современная мысль вовсе не допускает этого разрыва, этого полного обезличивания человека, низведения его на степень вещи. Зато вне отдельно взятого человека, если не современное сознание, то современная цивилистика трудно ладит с представлением лица. Основу римскому сознанию всех юридических отношений, как личных, давала исторически-развившаяся система институтов гражданского права. Именно в этой системе безусловно необходима постоянная известность и преемственность личная юридических отношений. Без этого она немыслима и практически неосуществима. Личное приражение всех юридических отношений необходимо здесь не в целях отдельного заинтересованного, а в целях всего цивильного общежития, всего гражданского обмена. Вне его нельзя себе представить не только энергического обмена, но никакого движения в области оборота с вещами, действия договорных форм и проч.

Выше было замечено, что, связав раз понятие личности с реквизитом разумности и волеспособности субъекта, наши юристы, философы, теоретики закрыли себе путь к объяснению всего ряда явлений гражданской правоспособности, идущей за пределы правоспособности отдельного человека. Если человек правоспособен именно в силу того, что разумен и волеспособен, то в силу чего, на какой основе будет держаться правоспособность там, где нет этой личной воли и разума? А между тем формы такой правоспособности и личности коллективных единиц, союзов, имущественных комплексов не только не скучнее, но неизмеримо обильнее у нас, чем в Риме. Как научно обосновать это явление?

Ответ юристов настоятелен и неотложен.

Мы не имеем в виду исчерпать [2] здесь попыток современной юриспруденции найти основы для учения о лице. История развития этого учения идет с первых влияний римского права на европейскую мысль и представляет живейший интерес не с юридической только, а с общей культурно-исторической точки зрения, и мы на нем остановимся в подробности впоследствии. Здесь мы ограничимся коротким перечнем современных попыток строить понятия личности, чтобы определить

основание той двойственности, которую дают нам теперешние системы, различая две категории лиц, физических и юридических.

Долгое время в европейской юриспруденции господствующим приемом для расширения свойства личности на субстраты, которые не суть люди, была метода очеловечения этих субстратов, т. е. присвоения им тех же свойств, какие имеют люди. Какие основы имела эта метода в свое время, какие следы ее удержались в юриспруденции до наших дней – об этом мы скажем позже, в особом учении о юридическом лице. Здесь заметим только, что европейское общество, по мере разрушения старинных союзных форм правообладания и образования в новых условиях той же богатой латинской системы институтов частного права, которую нельзя представить себе без личного приражения, требовало такой же точности постановки вопроса о субъекте гражданского права, которая была выработана латинской техникой.

Савиньи принадлежит для нашего времени бесспорно заслуга постановки вопроса вновь на подлинно-юридическую почву. Учение о лице перестало быть с этих пор вполне фантастическим и возвратилось в область юриспруденции. Учение Савиньи, наиболее распространенное и теперь в учебниках, следует назвать, по методу разрешения проблемы, способом аналогической конструкции, применением к явлениям союзного обладания тех же форм, какие выработаны для обладания личного. Это так называемая теория персонификации – олицетворения, – составляющая несомненный успех и приближение к подлинно-римскому понятию лица сравнительно со старыми учениями очеловечения, так сказать, не людей.

Долгое время господствовавшее учение Савиньи стало, в особенности в 50-х годах (*Sturm u. Drang-Periode in der Jurisprudenz*), возбуждать многочисленные сомнения в своем достоинстве. Если нужно, – говорят представители нового направления, – олицетворять неличное обладание, то совершив эту операцию нельзя иначе, как с помощью фикции, стало быть – актом вымысла. Таким образом, в праве, в важнейшем элементе юридических построений, наряду с лицами действительно существующими, дается место лицам, которых нет в действительности, каким-то миражам, продуктам воображения. Если юрист способен видеть лицо в коллегии, в корпорации, в «лежащем» наследстве, то спрашивается, где же предел этой игре юридической фантазии, где конец фикциям, вымыслам, и начало реального мира для юристов?

Очень многие охотно допускали, что теория персонификации есть подлинно римская, чтоб тем вернее доказать несоответствие формализма рим-

ских построений современному мышлению (иначе, германскому, ибо, кроме германского мышления, в противоположность классическому, иного, для современности, не полагается), существенно-де реалистическому. Мы знаем юридические отношения лиц – людей, и видим подобные этим юридическим отношениям, именно в сфере имущественной, права, не имеющие таких же реально-наличных субъектов. Назвать эти права принадлежащими мыслимым субъектам – значит ничего не сказать определенного. Классики знают принадлежность, определяемую не одним отношением к кому-либо, а точно также принадлежность, определяемую отношением к чему-либо... В 1-м случае они говорят *pertinere ad aliquem*, во 2-м *pertinere ad aliquid*. Что же способно определить принадлежность имущества чему-либо? Предназначение его, цель, для которой оно существует. И так, мысля по-германски, мы должны сказать, что существуют имущества, которые принадлежат лицам, и есть такие, которых принадлежность определяется их целью, их предназначением. Эти последние суть имущества цели (*Zweckvermögen*). Так конструировал Алоиз Бринц, один из самобытнейших пандектистов нашего времени, мюнхенский профессор, скончавшийся в 1887 г.

Несомненно, Бринц держался в своих попытках юридического построения в сфере задач цивильной юриспруденции, как и Савиньи, и не удавался в область вопросов психологии там, где для них нет места. Несомненно также, что он мыслит вполне своеобразно, т. е. независимо от римских образцов, хотя, как пандектист, ищет поддержки своим взглядам в Юстиниановских текстах.

Возражение Бринца против функции лиц совершенно основательно, но оно должно быть направлено против Савиньи, а не против римского права, ибо в римском праве мы не находим двух категорий лиц, физических и юридических, которые принимает Савиньи. В праве римском, кому бы или чему бы ни присваивалась правоспособность или личность, свойство цивильной личности или правоспособности оставалось одним и тем же. Сам ли человек, или, вместо него, *universitas* является как активный деятель в гражданском обороте, определившаяся конкретно сфера его цивильных юридических отношений есть личная. В одном случае, при субъекте человеке, она приводится в движение им самим, если он дееспособен и пока он жив, до его смены другим человеком; в другом, при субъекте коллективном, те же функции совершаются органами данной коллективной единицы.

Но, независимо от этих модификаций дееспособности, правоспособность тут и там мыслятся и существует как личная, в указанных нами выше

целях юридической известности, постоянства и непрерывности цивильного обмена. То обстоятельство, что отдельные имущества или целые массы предназначаются для определенных специально целей, не устраниет вопроса, как существуют они в смысле цивильной их позиции, лично, самобытию, с той же способностью в самостоятельный, себя ради, цивильным функциям, как и имущества отдельных граждан, т. е. с той же способностью владеть, приобретать, обязываться, требовать, искать, отвечать, или иначе? И ответ несомненен, что эти имущества цели существуют также лично, как и всякие другие. Указание на цель их установления важно для вопросов их управления, их организации, внутреннего строя, но оно недостаточно для определения их позиции в цивильном быте.

Из того, что известное имущество, мое или университетское (книги, рукописи), больничное или отдельного служителя ее (приспособления для врачебных целей), предназначено одной цели, служению науке, помохи страждущему человечеству, – не видно еще, что это за имущество в цивильном смысле, связано ли оно в такой комплекс, который самостоятельно оперирует в гражданском обороте, приращается, убывает, требует вознаграждения за ущербы, ему нанесенные, отвечает за ущербы от него происходящие, входит в договор и проч. А между тем именно это и составляет все содержание вопроса о личности и о цивильной правоспособности, а на это именно и не дает ответа конструкция Бринца; если же дает, противополагая имущество цели имуществу лица, то ответа этого нельзя признать удовлетворительным, ибо в нем заключается отрицание личного характера принадлежности, допущение имуществ, принадлежащие цели и в то же время бессубъектных.

Источник ошибочности построений Бринца тот же, что и у ряда других современных юристов, т. е. задача найти присущее правообладателю свойство, на коем возможно обосновать принадлежащее ему право, особую, личную позицию в гражданском правопорядке. Нет сомнения, что все право, как говорит Бринц, имеет человека своим творцом, своим предметом и своей целью (идея римская). Это первооснова и предельная цель всех юридических построений. Но осуществление этой цели, в условиях-цивильно развитого быта, в сфере отдельных отношений в особенности, недостижимо иначе как некоторым отрешением понятия личности от непременного представления отдельного человека, когда человек не дееспособен, когда смерть разрывает его связь с имуществом, когда цель института, цель учреждения ставится в независимость от изменчивой воли и взорений отдельного человека, как в *universitas, collegium, pia causa* и проч.

При этом надлежит заметить, что личный характер присваивается известному организованному делу, предприятию, назначению имущества далеко не всякий раз, когда именно видна цель предприятия, дела, предназначения. Возьмем для примера имущество, несомненно предназначаемое для определенной цели, приданое, *dos*, которого цель есть именно поддержка тягостей брачного сожития (*ad onera mitrimonii ferenda*). Тут цель и принадлежность *ad aliquid*, выражаясь по Бринцу, ясна; но конструировать выделенное таким образом имущество, как особую единицу, лично оперирующую для этой цели через супругов, нет расчета [3]. Сами супруги слишком близко стоят к делу, чтобы представление 3-х, вместо 2-х имущественных масс, обособленных так же, как обособляется сфера обладания отдельных правоспособных субъектов, заключало в себе какое-либо практическое удобство. Супруги суть ближайшие дестинатарии, для них назначается это имущество, хотя, правда, не для сепаратных видов каждого, а для совместных целей супружеской жизни, которые нормально и не рассматриваются каждым из супругов, как чужды ему, а как в то же время и его собственные. Степень близости, целей, для коих предназначается имущество, к отдельным дестинатариям может быть очень различна. Чем ближе каждый дестинатарий поставлен к, цели предназначения и чем меньше их круг, тем, натурально, меньше резона обособлять гражданскую личность таких имущественных назначений. Чем отдаленее эта связь и чем шире круг лиц, заинтересованных в управлении таким имуществом согласно цели его обособления, тем, понятно, необходимее и самое обособление. Обыкновенное условие такой самостоятельно-личной организации составляет значительность юридических операций, кои имеют производиться ее именем. Указать, однако, раз навсегда, где есть и где должна быть организована особая от заинтересованных цивильная правоспособность – дело ближайшего практического изучения условий, а не простых теоретических соображений.

Савини различил две категории лиц – физических и юридических. Бринц заменил последние понятием имущества цели. Целый ряд последующих юристов, частью с очень крупными именами, пошли еще дальше по пути самостоятельного и совершенно бесплодного творчества в этом вопросе.

Стараясь сам, не *quellenmassig*, суммировать в одном понятии, в одном слове, даже, весь мир юридических явлений гражданского оборота, Виндшейд, на вопрос, что такое право в субъективном смысле, отвечает – это *Wollen-dttrfen*, воледозволенность [4]. Мы выше видели, не отступая ни на шаг от римских построений, что

право, в самом деле, есть область обнаружения воли человека по преимуществу, что все оно идет от человека, сферу его деятельности имеет своим содержанием, ради человека существует. Но это не мешало римскому юристу говорить о личности в праве и допускать область личного в сфере юридических отношений и там, где нет волеспособности непосредственно данной, а есть или прежде определившийся круг отношений, уже связанных и еще не вошедших в состав другого (*hered. jas.*), или где воле- (вернее, и эту поправку в определении субъективного права у Виндшейда предлагает Биндинг, дее-) дозволенность, *Wollen dürfen*, упражняется не самим субъектом, а обнаруживается через посредство особой организации.

Какие же консеквенции получаются у Виндшейда от этого понятия субъективного права, от *Wollen-durfen*? Где нет *Wollen-durfen*, там нет права? Это было бы совершенно возможное и логически правильное заключение, но его остегривается сделать Виндшейд, ибо тогда оказалось бы, что он не видит вовсе действительности. Виндшейд выходит из затруднения, которое сам себе сделал, иным путем. Где нет *Wollendurfen*, там право в субъективном смысле все-таки есть, но оно бессубъектно!! Более обличительного результата смешения понятий человека и лица в гражданском смысле нельзя придумать. Его нашел Виндшейд, натурально, не в римском праве, где его нет. Но оно не нужно и для нашего права, ибо хотя у нас, иначе чем у Римлян, личен всякий человек, но нет никакой надобности ограничивать применение личного сферой волеспособного человека и не допускать мыслить личности там, где она не дана непосредственно волей отдельно взятого человека.

Принося эту дань логике, совершенно не нужную для юриспруденции, Виндшейд, однако, сохраняет для своего учебника термин «юридическое лицо», по соображениям не юридическим, а скорее эстетическим: *die juristische Person*, – говорит он, – ist eine nicht wirklich existirende, nur vorgestellte Person (ю. л. есть не существующее в действительности, а лишь воображаемое лицо)... и основанием для этого творчества фантазии служит глубоко в природе человека лежащее стремление к личному (*nattirliches, auf dem tiefen Zuge zur Persunlichkeit, welcher durch die Menschennatur hindurch geht, beruhendes Gefuhl*)..

Если нельзя отказать в большой смелости этого рода логическим и эстетическим построениям, то в этом смысле, (т. е. в смысле смелости) Ihering оставил, в своей Allg. Theorie der Kechte, всех своих предшественников далеко позади себя. Раз принципом воли нельзя объяснить себе всех явлений права, тогда на что же нужен самый принцип? Вот

постановка вопроса у Ihering'a. Чтобы иметь право, не нужно иметь способности воли, как это мы видим у детей, умалишенных и проч. От этого положения для субъективного права Ihering быстро переходит к переделке самого понятия права и получает в результате «интерес», «пользование», «благо», как критерий для всех юридических конструкций. Мы касались этих конструкций выше (разные места Введения). Для юридического лица результаты новых взглядов на право особенно любопытны, ибо Ihering находит, что субъектом права в формах коллективного обладания является не мыслимая фигура юридической личности, а те, на пользу коих идет имущество, ибо принцип пользы [5] есть решающий для права. Стало быть, имущество воображаемого лица (по Савиньи), имущество цели (по Бринцу) будет, по Ihering'y, собственно имуществом дестинатариев, интересентов, тех, кому оно предназначено, больных, если это больница, артистов, если это институт для живописи, для музыки и т. п. В очень потешных формах Ihering старается картинообразно изобразить результат иных построений, где может оказаться, что юридическое лицо станет в открытую вражду с теми, кто его составляет.

Однако, ответа на вопрос, чье же право? – какие реквизиты права в субъективном смысле? – здесь нет; ибо сказать – больницей пользуются больные, а странно-приимным домом – странники, значит сказать, для вопроса права, так же мало, как сказал уже Бринц, именуя имущество юридических лиц имуществом цели.

Нам нужны вовсе не эти тезы, стоящие вне всякого сомнения, а совершенно иные. Мы требуем ответа на вопрос: есть ли в этих случаях такая же форма имущественного обладания, цивильная, со всем содержанием институтов цивильной системы, какая существует в данном праве для отдельных правоспособных людей, или нет, и на этот вопрос Савиньи, Бринц, Виндшейд, Ihering отвечают нам каждый в большей или меньшей мере уклончиво.

Брунс, разбирая три главнейшие попытки построения юридического лица (Савиньи, Бринца, Ihering'a), находит их ее столько фальшивыми, сколько мало пригодными, каждую отдельно взятую, чтобы обнять весь круг явлений, с коими они должны сосчитаться. Брунс справедливо замечает, что по поводу всякого имущества отдельного лица надлежит различать три элемента (вопроса): само имущество (мы бы сказали – его состав), впереди стоящий вопрос его обладания (davor... das Haben) и засим идущий (dahinter) вопрос пользования. Несомненно, что для права, для данного юридического быта впереди именно должен идти вопрос – чье это имущество, какой форме облада-

ния оно подлежит, самостоятельной, личной, или данное имущество и все юридические отношения, с ним связанные, не смотря на постоянство его назначения, на известность, притязающих к пользованию им, не самостоятельно, не есть отдельная величина, а лишь часть другой? В первом случае мы примем особность и личность этой имущественной сферы; во втором – нет. То обстоятельство, что имущество будет фигурировать в обороте, как казенное, университетское, мирское, а пользоваться им будут все же люди того или другого круга, вовсе не изменяет формы цивильного обладания им, как личной в цивильном смысле, точно так же, как имущество отдельного человека не перестанет быть его имуществом, хотя право пользования им будет долгое время, быть может, всю жизнь собственника, принадлежать пользователю.

Обстоятельства, наиболее смущавшие мысль наших юристов в вопросе о форме имущественного обладания там, где нет отдельного человека, установлены, как мы видели, тем, что в этих формах за юридической конструкцией как будто вовсе скрыт живой человек. Мы уже сказали, что цель отдельности и личного характера обладания для коллективных единиц, в смысле материальном, не в них самих, как она может быть (но может и не быть) и у отдельного человека, а в общеизвестности и постоянстве цивильных отношений.

С другой стороны, и отдельный человек является, как мы увидим подробнее дальше, в своих цивильных отношениях не как физическая особь со всеми бесчисленными видоизменениями ей свойственными. Савины справедливо обращают внимание на то, что, говоря о человеке, как субъекте прав гражданских, мы отбрасываем целую массу характеризующих лично каждого моментов. В отношениях юридического характера для нас столь часто вовсе безразличен нравственный мотив действия человека, безразличны столь многие социальные положения людей, физические их свойства, которые кладут на живого человека и на его судьбу неизгладимую печать, безразличен тот или другой способ пользования имуществом и пр. В понятие лица, в его функцию, как субъекта гражданских прав, входят далеко не все эти черты живой действительности.

Представление лица, правоспособного субъекта, есть абстракция всегда и везде, где речь идет об организованном цивильном быте. Это – юридическая переработка живого явления не только там, где правоспособна община, союз людей, установление, но и там, где правоспособен отдельный человек.

И тут, и там этой переработкой достигается для мира субъективных юридических отношений

таже цель, какая для вопросов права достигается известным приемом образования юридических положений или правил. Право не достигнет необходимой для его осуществления известности, если оно не превратится в комплексы определенных положений, правил, норм, институтов, хотя Юлий Павел верно замечает, что правила из права, а не право из правил, ведут свое происхождение (L. 1 D. de R. J.). Однако, там, где нет этих правил, там право будет *jus incertum* и, как говорит Цицерон, *raene ridiculum*. – Точно также в основе отдельных прав гражданских лежат многообразные мотивы, интересы, расчеты и цели, но все эти внутренние факторы, влияющие на образование прав в субъективном смысле, не в состоянии нам дать того, что составляет нашу задачу. Нам необходима известность, постоянство, распознаваемость живых юридических отношений, а достигнуть этого мы не можем иначе, как мысля обособленными сферы этих правоотношений, личными, все равно, кто бы ни был правообладателем, дитя, зрелый, здравомыслящий, предусмотрительный, легкомысленный, сумасшедший, отдельный человек, группы людей, сословия, товарищества, казна и проч.

Искание воли, как необходимой и постоянной основы для всякой правоспособности, составляет задачу, поставленную совершенно врозь с задачами собственно юридических построений. Раз найдена постоянная связь известных юридических отношений с юридически определенным правообладателем, кто бы он ни был, отдельный человек, или та или другая союзная форма, цель юриста достигнута. Нам видны все роли юридической драмы, кто истец, где ответчик, владелец, покупщик, правопреемник, собственник, должник, веритель, и мы укажем выход (юридический) из любой коллизии, независимо от вопроса, кто скрывается за этими юридическими фигурами, живой или мертвый, молодой или старый, вся компания или особенно чтимый ее член – учредитель такой-то.

Не воля человека и не интерес или пользование того или другого субъекта дают общий критерий, коим определяется устойчивость правоотношений в данном юридическом быте. Воли может не быть в данной метаморфозе личного обладания, интерес может оказаться совершенно проблематическим, но этим вопросы права, его принадлежности, его субъекта, не устраниются. Их нельзя связать исключительно с наличностью таких колеблющихся, хотя и существенных для права реквизитов. Основу всеобъемлющую, неизменную и постоянную для понятия лица следует искать в интересах высшего порядка. Решающим здесь будет

начало необходимости, реквизит нормы, непременной известности правоотношения, все равно, хотят или не хотят этого люди, выгодно это для них или убыточно. Этот реквизит не может быть чисто субъективным, отвечающим только требованию свободы или личной выгода; это должен быть интерес социальный, постулат общего правопорядка, объективный, отвечающий в тоже время требованиям необходимости, социально-юридический.

Только с этой точки зрения и при этом критерии мы осветим себе все темные места общей системы гражданских правоотношений, возможность права для круга субъектов, где нет воли, для таких построений, где интерес конструкции вовсе не связан с правообладателем, и длящуюся совокупность правоотношений, когда нет носителя [6].

Вопрос, где предел образованию таких форм, есть праздный для цивилиста, и если бы немецко-му юридическому сознанию и целям известности правоотношений не были противны конструкции правоспособных мопсов, которые предлагает гейдельбергский профессор Эмануил Беккер, то суды немецкие должны были бы покорно идти этим путем. Мы защищаем ту тезу, что человек, его сознание, его воля, лежащие в его нравственной природе стремления служат основой права и его норм, юридического быта и юридических отношений, но для того, чтобы это составляло постоянную черту быта культурных обществ, вовсе нет необходимости, чтобы каждый отдельный правообладатель был волеспособен, разумен и проч.

Употребление термина «лицо» ныне не одинаково в юридической технике разных стран. Оно наиболее соответствовало цели в римской терминологии. Французы не всегда пользуются им, где это несомненно полезно. Весьма нередко, когда французскому юристу надо обозначить правообладателя абстрактно, независимо от обладания в той или другой сфере правоотношений, вещной, обязательственной, он употребляет совершенно неточно слово *proprietaire*, собственник, *proprietaire de la maison, de la creance*, тогда как, точно выражаясь, мы имели бы собственника только в 1-м случае, а во 2-м верителя. Последствия этой неправильности очень важны, и мы будем иметь случай сказать об этом позже еще раз.

Немцы не делают этой ошибки, ибо у них употребителен термин «лицо», как и у римлян, для абстрактного обозначения правообладателя, правоспособного, независимо от того, что составляет предмет обладания, стало быть, абстрактно.

Римляне везде и все, что представляет собою обособленную правоспособность, именуют просто лицом: не только человека, но и сменяющуюся в коллективном единстве совокупность лиц, *persona*

coloniae ipsius, не только лицо живого правоспособного, но и определившуюся сферу правообладания умершего, *persona defuncti*. И так, тут технический термин «лицо», «*persona*», есть вполне абстрактный и сам себе равный для всех случаев, где надо обозначить обособленную правоспособность, самостоятельно определившуюся сферу гражданских правоотношений и в этом виде функционирующую в цивильном обороте с необходимым для этой цели свойством постоянной ее юридической известности.

Мы могли бы, при самом развитом обмене, обойтись этим простым термином, как им обходились римляне. *Terminotechnici*, теперь употребительные для двух явлений правоспособности, особенно у немцев, для правоспособности отдельного человека и коллективных единиц, далеко не суть ни удачные, ни выдержаные, ни точные. Сама правоспособность везде одна. То обстоятельство, что она присвоена установлению или отдельному человеку, не видоизменяет ее в существе. Называть человека правоспособного лицом физическим, а корпорацию юридическим, нет никакого основания. Немецкие систематики учат, что правоспособность лица физического прекращается с его смертью. Затем, однако, из других §§ тех же немецких систем мы узнаем, что со смертью человека его юридические отношения не должны прекращаться, а должны продолжать свое существование, но уже не в единстве физической личности (римляне не боялись связать *persona defuncti*!), а в новом виде, в виде лица юридического, лежачего наследства (классики удачно говорят *personae vice fungitur*) [7].

Таковы результаты сочетания римских понятий, вернее, терминов с современными теориями! Нельзя не сказать, что они довольно уродливы. У римлян *persona* живущего и *persona defuncti* одна и та же, так же как и *persona colooiae*. Только известность, дееспособность, пределы правоспособности разных лиц в разных случаях не одинаковы. Тогда и следовало бы учить так: лицо, в цивильном смысле, есть понятие единое, всегда устанавливаемое методом юридическим, но способ определять в конкретных случаях известность лица, пределы личной правоспособности, дееспособность разных лиц не одинаков. По этим признакам можно различать разные роды лиц, лица с более широкой сферой правоспособности и с более ограниченной, дееспособные и нет, юридическая известность существования коих определяется моментом рождения физического, или иными признаками, указанными правом. Это не значит, что одни лица суть лица по физическим причинам, а другие по юридическим.

Как отдельные люди, так и союзы людей суть лица в смысле права, *juris interpretatione*. Нельзя утверждать, что одни из них суть реальные особи, а другие только мыслимые. Правообладающий союз людей отнюдь не менее правоспособен, чем отдельный человек в соответствующей сфере, и исторически правоспособность союза вовсе не составляет подражания, уподобления, явления последующего за правоспособностью отдельного человека, а скорее наоборот. Только отрешившийся от исторической почвы догматизм мог создать такие представления в юриспруденции. Точно также никаких подобий воли человека нам не надо вымышлять, чтобы иметь субъектов, коллективно обладающих правом, ибо и сам человек является правоспособным не в той только мере, в какой он волеспособен и в какой он способен быть лично пользователем земных благ. Весь вопрос о личности должен быть отрешен для каждого отдельного случая от этих фактических моментов и поставлен в связь не только с интересами и волей людей, как отдельно взятых разумных существ, а в то же время с интересами общежития, известности, постоянства, непрерывности юридических отношений и их обмена в гражданском быту.

Однако, группировка лиц по двум названным категориям не только не устраниется из современной терминологии, но даже как будто приобретает право гражданства. Ее знает прусский ландрехт (*moralische Personen*), ею пользуется, хотя умеренно, австрийский кодекс. Новый саксонский прямо начинает с этих двух категорий лиц свою систему (впереди только положения о нормах). Лоран хочет ввести незнакомое до сих пор французскому кодексу деление 1-й книги на две части: 1-ю для *personnes physiques*; 2-ю для *corporations*. Испанский гражданский кодекс 1889 г. ввел это деление в свою систему (см. перевод А. Leve, liv. I, titre 2, chap. II des personnes juridiques). Новый кодекс 96 г. дает 69 параграфов для понятия юридического лица (§§ 21 – 90) в составе Общей части. Борьба юристов, указанная выше, против понятия юридического лица, стремление заменить его иным наименованием (имущество цели, пользование дестинатариев) не дает результата. У нас не только в учебниках, но и в практике судов термин «юридическое лицо» весьма распространяется.

Мы имели в виду предшествующим изложением коротко резюмировать фальшивые стороны и последствия употребления этого термина, многочисленные недоразумения, которые влечет за собой деление лиц на существующих в природе (физических) и будто бы в природе не существующих, только мыслимых. Затем, однако, самый термин, с этими оговорками, особенно с прибавкой

die sogenannte juristische Person удерживается как безвредный в употреблении даже открытыми врагами фикций в праве.

Наше законодательство его не знает, и граф Сперанский в этом отношении стал ближе к подлинному римскому праву и к новому направлению юристической литературы, чем некоторые предшествующие и последующие кодексы западные. Т. X, ч. I говорит только о лице, а не о двух категориях лиц в правоотношениях гражданских. Позднейший кодекс, образовавшийся у нас, ч. III местн. узаконений остзейских, вводит термин «юридическое лицо» в отдельных случаях (см., напр., ст. 713, 1692, 2913, 2918).

Положение немногих статей X т. ч. I, сюда относящихся, в системе весьма характерно. Известно, что 1-я книга X т. имеет своим содержанием права и обязанности семейственные, так что собственно имущественные институты расположены в 3-х последующих книгах. При этом книга 2-я (о порядке приобретения и укрепления прав на имущества вообще) распадается на три раздела: 1) о разных родах имуществ, 2) о существе и пространстве разных прав на имущества, 3) о порядке приобретения и укрепления прав вообще, из коих лишь в 3-м, последнем, мы встречаем определение круга лиц имущественно-правоспособных.

Это глава 1-я раздела 3-го книги 2-й, озаглавленная так: о лицах, могущих приобретать права на имущества. Здесь любопытнее всего указание на личный характер имущественного обладания, данное в титуле этой главы. По содержанию очень краткая глава 1 этого раздела (всего 3 статьи, 696, 697 и 698) вполне соответствует статьям 406 – 415, которые трактуют о разных родах имуществ по свойству лиц, ими обладающих (имущества государственные, удельные, разных установлений, общественные и частные).

Сочетание того и другого ряда статей дало бы то, что в *Code civil* выработано (несравненно точнее) в tit. I Chap. III livre II под титулом «des biens dans leur rapport avec ceux qui les possèdent art. 537 – 543) и началу liv. III «des différentes manières, dont on acquiert la propriété». Соответствие, конечно, далеко неполное. Затем, французы имеют книгу 1, трактующую des personnes и заключающую в себе **не один права союза семейственного, а общие положения de la jouissance et de la privation des droits civils, des actes de l'état civil, du domicile, des absents**. Соответствующих этому положений наш X т. не заключает и в пору его возникновения заключать не мог.

В условиях теперешнего праворазвития мы близко подходим к потребности таких же и еще более развитых, чем в *Code civil*, общих опред-

елений гражданской правоспособности. Но X т. остается тем же, каким был, и в ст. 698 мы читаем: все прочие (выше указано верховное обладание имуществами государственными и обладание удельными имуществами) права на имущество, по различию самых имуществ и в пределах, законом определенных, могут приобретать: 1) Члены Императорского Дома; 2) дворцовые управлении; 3) казна; 4) дворянские, городские и сельские общества; земские учреждения именем земства имеют право приобретать недвижимые и движимые имущества; 5) епархиальные начальства, монастыри и церкви; 6) кредитные установления, богоугодные заведения; 8) учебные и ученые заведения; 9) частные лица, 10) сословия лиц, как-то: товарищества, компании, конкурсы. В примечании к этой статье читаем, что пространство и свойство сих прав подробно обозначены 1) для отдельных лиц и обществ в законах и состояниях и особ. Прил. к IX т., и в Св. воен. постановл.; 2) для установлений – в уставах их и учреждениях; 3) для казны в Устав. казен. управления и госуд. благоустройства.

Таковы общие ссылки статьи на другие части законодательства; рядом с этим идут и особые указания (см. Боровиковского).

Статья эта и указания в примеч. развивались в своем содержании вместе с движением законодательства, особенно в царствование Александра II, в связи с расширением цивильной правоспособности на совершенно иной круг лиц, чем в пору, когда статья составлена в ее первоначальном виде.

В ряду перечисленных статей 698 правоспособных в имущественном отношении субъектов названы (п. 10) конкурсы.

Юриспруденция того времени, когда составлялся Св. Закон., нам мало известна, а под ст. 698 и 415 не приведено указов, на коих они

основаны. Между тем в практике нашей, в виду 27 ст. Уст. Гр. Суд., возник вопрос, надлежит ли конкурсу иметь особого по суду поверенного для исков и ответов, как этого требует ст. 27 для обществ, товариществ и компаний. Сенат, приняв во внимание ст. 698. 10 т. X и 27 Уст. Гр. Суд., нашел, что в ст. 698 п. 10 конкурсы сравнены с товариществами и проч. только по правам на приобретение имущества, что едва ли справедливо в виду ст. 415 – 419 т. X. ч. I, и заключил, несомненно основательно, что конкурсные управлении, по точному смыслу 1931 ст. Уст. о Торг. Несостоят., принимая дела несостоятельного, управляют оними в качестве уполномоченного от всех заимодавцев (Реш. Гр. Кас. Деп. 1877 г. N 100; ср. еще там же N 17, где читаем: опекуны, когда их несколько, представляют в совокупности личность малолетнего и, по самому существу понятия о представительстве, составляют как бы одно лицо; N 48 – для понятия администрации; N 52 – несостоятельность умершего и конкурсное управление по делам наследства; ст. 1931 с толков. по изд. Устава Торг. г. Носенко; эта ст. теперь есть 552 в Уст. Суд. Тор. по офиц. изд. 1887 г.).

Таким образом, в виду недостаточной обоснованности нашей легальной терминологии, несогласованности разных частей законодательства и неудобств, встречаемых практикой, мы не можем держаться той группировки лиц, какую дает нам ст. 698 X т. Правоспособные лица, сами, и органы, представляющие их, не могут, без вредных последствий для всех цивилистических конструкций, быть поставлены в одну категорию явлений. Анализ этих явлений несомненно лучше выполнен в западных кодексах, о коих мы говорили выше, благодаря высшему развитию там юриспруденции, и в этих же приемах анализа явно чувствует потребность наша теперешняя практика.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- См. Унгера, *System des oesterreichischen allgemeinen Privatrechts* § 60.
- Подробные литературные указания можно найти во многих хороших учебниках пандектного права. Для обозрения различных направлений в изысканиях немецких юристов и разных опытов конструкций юридического лица за время до 1873 года может служить премированное Лейпцигским факультетом сочинение Zitelmann'a «Begriff u. Wesen der s. g. juristischen Person». В г. Циттельман мы могли бы приветствовать самого решительного германиста в юриспруденции, если бы его построение понятия юридического лица соответствовало задачам именно юридических конструкций. Г. Циттельман произносит некоторого рода молитву об освобождении немецкой мысли от чужого влияния. «Moge es uns gelingen durch die folgende constructive Entwicklung die destructive Kritik, die bis jetzt auf die fremde Ansicht gegeben ist, zu ergänzen, zu bestätigen und zu erläutern. Основа этой, как и некоторых последующих юридических построений Циттельмана, взята автором из области психологии, куда окончательно имеет попасть и мыслимый г. Циттельманом субъект права... Как это должно произойти – ясно из той внутренней основы, которую дает Циттельман своему понятию лица юридического. Она заключается в безтелесной воле! Корпорации суть «unleibliche Witten». Способность воли, Willensfähigkeit, без плоти, ohne Leiblichkeit – вот что необходимо для того, чтобы вытеснить римские фикции и заменить их понятными для немецкой мысли образами! Лейпцигский факультет не оказался достаточно немецким, чтоб освоиться с этим построением и, награждая автора, оговорил свою непричастность этим идеям о лицах столь легко способных улетучиваться... В настоящее время несомненно самые значительные заслуги по разработке этого вопроса принадлежат профессору Оттону Гирке (O. Gierke теперь в Берлине, о нем в подробности позже). Это три большие тома исторического содержания, к коим присоединен четвертый обширный волюм, посвященный теоретической части вопроса о союзных формах, которые Гирке вообще называет Genossenschaften. Из 3-х первых томов (1 – *Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft*, 1868,

- 2 – Geschichte des deutschen Körperschaftsbegriffs, 1873, 3 – die Staats- und Corporationslehre des Alterthums und des Mittelalters und ihre Aufnahme in Deutschland, 1881) особенно 3-й представляет собою изумительно богатую по содержанию и превосходно написанную историю догмы по этому важному вопросу, доведенную автором до XVI в. Мы имеем в настоящее время работу г. Л. Гервагена о юридическом лице, в которой русские читатели найдут подробный очерк литературы вопроса и отчетливые сведения по истории догмы, основанные на сочинениях Гирке. Последняя работа Гирке «Die Genossenschaftstheorie u. d. deutsche Rechtssprechung» представляет собою тоже германистскую попытку вытеснить неподходящие римские конструкции своими, более, конечно, говорящими немецкому уху, глазу, чем бледные, бескровные римские построения. Дальнейший анализ содержания названного сочинения мы сделаем в специальной главе для учения о юридическом лице. Для русской публики наилучшим пособием в истории литературной разработки вопроса будет, несомненно, отныне служить напечатанная профессором Н. С. Суворовым в 1892 г. книга «Об юридических лицах по римскому праву», где читатель найдет богатые литературные указания и мастерское изображение всего литературного движения в Германии по этому предмету, особенно в главе 1-й. После 1892 г. надлежит отметить для немецкой литературы в особенности указанные выше Deutsches Priv. Eecht. O. Gierke, 1895 г., а также появившиеся в 1893 г. Pandekten Ferdin. Regeisberger'a. Ныне мы имеем второе изд. книги Н. С. Суворова, значительно дополненное.
3. Тоже для пекулия, peculium nascitur, crescit, deerecessit, moritur, et ideo eleganter Papirius Fronto dicebat, perulum simile esse homini, но все же это не есть особый субъект, persona в техническом смысле.
 4. Какой оттенок немецкая речь присваивает глаголу durfen в юриспруденции – об этом Бирлинг в св. книге Zur Revision d. jurist. Grundbegriffe дает целый экскурс.
 5. Есть ли здесь, в самом деле, принцип, это, как известно, очень спорно. Бельгиец Laurent говорит: l'intérêt n'est qu'un mobile, qui gâp proche (всегда ли?) les hommes. ce n'est pas un principe.
 6. Не одни перечисленные в тексте явления личного правообладания оставляют, при субъективном критерии, темные места наших цивильных систем. Мы на них остановились здесь, ибо трактует вопрос о лице, как субъекте целой сферы правоотношений. Но тот же вопрос о субъекте затрудняет цивилистику и по отношению к отдельным правоотношениям. Таковы правоотношения по договорам в пользу 3-го, по бумагам на предъявителя, по предиальным сервитутам, где субъект остается скрытым, а право все же существует (сюда Ibering применяет отчасти свое понятие пассивного действия права). И эти явления отдельных правоотношений перестанут нас затруднять, если вместо одного субъективного критерия мы поставим еще интересы обмена, социально-юридические цели, как решающие.
 7. Заметим здесь любопытный оборот речи, который употребляют классики, когда хотят обозначить цель, интерес совершающегося действия – defunctorum interest.

*Печатается по: Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву / Н. Л. Дювернуа. – С. – Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1902.